

Б. Килборн*

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.9964

АНТРОПОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ** (Перевод с английского В.В. Старовойтова)

Аннотация: Это перевод статьи Б. Килборна «Антропология и человеческое воображение». В ней Килборн рассматривает историю антропологии, которую длительное время считали естественнонаучной дисциплиной. Б. Килборн считает, что антропология, подобно другим социальным наукам, никогда не сможет быть ничем иным, кроме как гуманитарной дисциплиной, потому что ее объект – люди, и практикующие ее специалисты также являются людьми. Он подчеркивает существенно важную значимость человеческого воображения в любом исследовании других людей. В этой связи он приводит работу Джамбаттисты Вико «Основания новой науки об общей природе наций», в которой проводится фундаментальное отличие между, с одной стороны, осознанием или пониманием, и, с другой стороны, знанием или наукой. Это не что иное как радикальное эпистемологическое различие между естественными науками, с одной стороны, и социальными и гуманитарными науками – с другой, которое история антропологии в XX веке пыталась уничтожить, разрушить, преодолеть.

Ключевые слова: антропология, человеческое воображение, естественнонаучная дисциплина, гуманитарная дисциплина, социальные науки, социальная антропология, культурная антропология.

I

После экспедиции Торреса Стрейтса в начале XX века антропологи заинтересовались особенностями сенсорной организации. В течение столетий на интеллектуальное содержание данной заинтересованности влияли теории восприятия, оптики и понимания того, как видят глаза. Исследователи, которые писали о перспективе в изобразительном искусстве (например, Вазари¹), определили основу нашей визуальной организации. Имеет ме-

¹ Вазари Джорджо (1511–74) — итальянский живописец, архитектор, историк искусства. — Прим. перев.

сто прямая линия от Роджера Бэкона² к Гёте и, далее, к Боасу³, чья докторская диссертация о цвете морской воды оказалась столь значимой для развития антропологии в США. В действительности, научный статус Боаса в ученом сообществе (и его видное положение в журнале Science) частично обуславливался его научными вкладами в дискус-

² Бэкон Роджер (ок. 1214–92) — английский философ и естествоиспытатель, монах-францисканец. — Прим. перев.

³ Боас Франц (1858–1942) — американский лингвист, этнограф и антрополог. Труды по языкам и культуре индейцев и эскимосов. Один из основоположников дескриптивной лингвистики. — Прим. перев.

* Перевод выполнен по изданию Kilborne V. Anthropology and the Human Imagination // Journal of European Psychoanalysis. Nov. 2006/2.

** Я очень благодарен Тони Малино за то, что он попросил меня написать статью об антропологии. В 1970-х я преподавал на первых и единственных курсах по истории антропологии, читаемых во Франции (в Ecole des Hautes Etudes и в Nanterre на отделении этнологии). Когда я возвратился в США, я продолжил преподавание истории антропологии, и так как мои знания по данному предмету были гораздо обширнее, чем у ряда других исследователей, несколько издателей обратились ко мне с просьбой написать историю антропологии. Я отказался, указав на нехватку знаний. Однако то, что вы прочитаете здесь, по сути, является той книгой, которую я носил у себя в голове в течение примерно тридцати лет. Поэтому я впервые имею возможность обозреть, какую письменную форму могла бы, в конечном счете, принять эта книга, если мне когда-либо суждено будет написать ее.

сии по восприятию, и его обучением, совместно с Гельмгольцем⁴ и другими исследователями в Германии. Одна из наиболее влиятельных работ Боаса «О чередующихся звуках» была основана на принципе, описывающем, как привычное звучание нашего родного языка обуславливает искажения в восприятии незнакомых языков. Данный принцип является еще одной вариацией на тему непрямого восприятия мира, через посредство наших эмоций и ожиданий, и с помощью тех способов обработки информации, посредством которых мы приходим к представлению о том, что мы видим.

Сфокусировав свое внимание на том, каким образом антропология соответствует естественнонаучному знанию, Боас стал последователем длительной и трудной для понимания традиции, восходящей к Э.Б. Тэйлору⁵. В книге Тэйлора «Первобытная культура» (1871) было дано всеобъемлющее определение культуры, которое с тех пор используется. В действительности, Кант и ряд других авторов уже в XVIII веке использовали термин «культура». Однако именно Тэйлор сосредоточил внимание на этом понятии. В тот десяток лет перед написанием этой книги, Тэйлор и его хороший приятель Генри Кристи, полные юношеского задора, решили за собственный счет предпринять путешествие по Юкатану и Центральной Америке. Там они посетили археологические раскопки и возвратились с багажом впечатлений о руинах цивилизации Майи. Хотя часто считается, что представленная Тэйлором концепция культуры включает в себя верования, восприятия и психологические измерения человеческого опыта, пробирым камнем для нее оставались вещественные материальные свидетельства: осмотренные ими археологические раскопки. Что касается Генри Кристи, нам сейчас известны материальные свидетельства его круга интересов: он отправился в то место, которое в настоящее время является Турцией, и возвратился в Англию с турецкими полотенцами, которые стали называться королевскими турецкими полотенцами. В наши дни на многих турецких полотенцах можно найти ярлык «Кристи».

Когда в Европе и в США в 1860-е и 1870-е годы появились музеи, этнографические интере-

сы часто были в них представлены в материальном виде. Так было в случае американского музея естествознания в Нью-Йорке, который испытал на себе длительное влияние Боаса. Я вспоминаю, как ребенком бродил вдоль комнат Карла Экли, в которых были выставлены чучела двух американских лосей с крупными и мощными рогами, сцепившихся в смертельной схватке. Фоном для них служила подходящая для их мест обитания нарисованная естественная среда. Каждая отдельная экспозиция представляла собой композицию чучел, которая подавалась как «подлинная» и «научная». Затем я переходил в другую комнату и видел другую экспозицию — в этот раз эскимосов, плывущих на каноэ, в обрамлении соответствующего этим местам нарисованного природного ландшафта.

К тому времени, когда перед Первой мировой войной Боас был назначен первым профессором антропологии в Колумбийском университете и заведующим этнографическими материалами в Американском музее естествознания, американское представление об антропологии серьезно усложнилось. Парадоксальным образом, бюро американской этнографии в штате Вашингтон в течение многих лет после Гражданской войны находилось под эгидой департамента штата, потому что американские индейцы считались не «американцами», а, скорее, «пришельцами». С другой стороны, Боас смог представить антропологию как не зависящую от запутанных проблем американских индейцев и расовых проблем, потому что смог приблизиться к «научному» контексту для укрепления своих профессиональных амбиций и притязаний на профессионализацию данной дисциплины. Когда же Боас все-таки стал высказывать соображения относительно расы, он сделал это на очень специфическом основании: он полагал, на основании краниологических и различных других «научных» измерений, что евреи из Центральной Европы были ничуть не менее смышленными, чем средние американцы.

Недвусмысленно обозначая свою позицию как естественнонаучную, Боас дистанцировался от грязных и проблематичных расовых (и классовых) дискуссий, в которые ранее была вовлечена американская «этнология». К тому же, будучи по происхождению немцем, плохо говорящим по-английски, Боас писал свои труды на «научном» языке, который не обязан был быть литературным. В этом отношении он явно отличается от англий-

⁴ Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821–94) — немецкий ученый. Автор фундаментальных трудов по физике, биофизике, физиологии, психологии. — Прим. перев.

⁵ Тэйлор Эдуард Бернетт (1832–1917) — английский этнограф, исследователь первобытной культуры. — Прим. перев.

ского этнографа Малиновского⁶, чье произведение «Золотоискатели юга тихоокеанского побережья» остается авторитетным трудом, отмеченным литературным мастерством. Короче говоря, Боас сознательно дистанцировался от той гуманистической традиции, из которой выросла антропология. Его успех был признаком роста значимости общественных наук, которые, как я уже ранее отмечал, сами были продуктом тревог и дезориентации Европы в конце XVIII — начале XIX веков (и волн последующих потрясений, которые охватили Европу после французской революции и последовавшего за ней католического ренессанса).

Так как Боас позиционировал себя в качестве «ученого», а не «литератора», он не был обязан писать на хорошем литературном английском языке. Столь же важно, что он смог избежать рассмотрения проблем социальной ответственности, так как то, о чем он писал, преподносилось как имеющее отношение к миру природы, в который должны быть включены человеческие взаимоотношения. Данный подход был чреват эпистемологической путаницей.

Возникли расхождения во взглядах между социальной антропологией в Англии, где критерием были полевые исследования, и где с неодобрением относились к концепции культуры, и культурной антропологией в США, где главенствовала концепция культуры, однако при этом избегались «культуральные» противоречия и конфликты, так как во главу угла ставилась материальная культура.

Поэтому, естественно, взгляды Боаса остались связаны с немецкой традицией в антропологии и с естественнонаучными взглядами. Существенно важно, что академическая респектабельность в конце XIX и значительной части XX веков была связана с немецкой традицией. Если бы Боас был сербом, поляком или болгаринном и не говорил бы по-немецки, то весьма сомнительно, что он прожил бы столь же насыщенную профессиональную жизнь. По контрасту с ним, Малиновский, подобно Конраду⁷, был поляком, для которого литературный английский был обязательным, но который никогда не утрачивал связей со своей матерью и

Польшей. К счастью, у нас есть личные дневники и полевые записи Малиновского. В них дано литературное выражение его переживаний, мыслей и чувств, поистине не имеющее себе равных.

Во Франции в 1920-е и 30-е годы «Африканский фантом» Мишеля Лейриса пробудил интерес к обществам, о которых у нас имелись весьма смутные представления. Лейрис был тесно связан с французскими сюрреалистами и открыто признавал важную роль воображения. Еще одно направление во французской антропологии было направлением «религиозных социологов», дюркгеймианцев, представленных в рассматриваемый период Герцем и Марселем Моссом⁸. Мосс считал себя компаративистом и, подобно Аристотелю, живо интересовался классификацией. До Второй мировой войны, оставаясь почти что незамеченными, традиции ренессансного гуманизма и естественных наук существовали бок о бок внутри этнологии во Франции. После войны в данной области, несомненно, доминировал Леви-Строс⁹, в этот раз с утверждениями относительно классификации и языка, которые соединялись в «структуры». И опять же, эпистемологические махинации представляли данную дисциплину как такую, в которой антрополог мог быть одновременно научным этнологом и разгадывателем мифов, потому что опыт мог «пониматься» через посредство модели лингвистической структуры в традиции Бенвениста¹⁰ и Соссюра¹¹. Таким образом, формулировка Лакана¹²: бессознательное — это язык, позаимствовала многое из этой структуралистской традиции.

Прежде чем я продолжу свой рассказ об истории эпистемологической путаницы идей, которая,

⁸ Мосс Марсель (1872–1950) — французский этнограф и социолог, племянник и ученик Дюркгейма. Основные работы в области изучения архаических обществ. — Прим. перев.

⁹ Леви-Строс, Клод (1908–2009) — французский этнограф и социолог, один из главных представителей структурализма. Создал теорию первобытного мышления, во многом противостоящую теории Л. Леви-Брюля. — Прим. перев.

¹⁰ Бенвенист Эмиль (1902–1976) — французский языковед. Труды по общему и европейскому языкознанию, иранскому языку, общей семантике. Автор теории структуры индоевропейского корня. — Прим. перев.

¹¹ Соссюр Фердинанд де (1857–1913) — швейцарский языковед. Впервые предложил рассматривать язык как систему (структуру), разграничил лингвистику языка и лингвистику речи, синхронию и диахронию. — Прим. перев.

¹² Лакан Жак (1901–1981) — французский философ, основатель структурного психоанализа. — Прим. перев.

⁶ Малиновский Бронислав Каспер (1884–1942) — английский этнограф, основатель функциональной школы в этнографии. Прим. перев.

⁷ Конрад Джозеф (настоящее имя и фамилия Юзеф Теодор Конрад Коженевский) (1857–1924) — английский писатель. По национальности поляк. — Прим. перев.

как я надеюсь, становится более ясной, позвольте мне на некоторое время прервать свое повествование и описать ту путаницу идей, которая преследует не только антропологию, но все социальные науки. Чтобы это сделать, крайне полезно обратиться к работе Джамбаттисты Вико¹³.

II

Как отмечал Джамбаттиста Вико в XVIII веке в своем труде «Основания новой науки об общей природе наций» (третье издание этой работы было опубликовано в 1744 году), следует проводить фундаментальное отличие между, с одной стороны, «conscienza» (осознанием или пониманием), и «scienza» (знанием или наукой). Объект «conscienza» — «il certo», или уверенность; объект «scienza» — «il vero», или истина в смысле универсально применимых принципов¹⁴.

То, что предлагает Вико, — не что иное как радикальное эпистемологическое разделение между естественными науками, с одной стороны, и социальными и гуманитарными науками — с другой. Это в точности то самое разделение, которое, как мы видели, история антропологии в XX веке пыталась уничтожить, разрушить, преодолеть. Насколько я его понимаю, Вико говорит, что, поскольку мы являемся людьми, мы понимаем других людей посредством своей человеческой природы. Хотя данное утверждение может казаться очевидным, оказывается, что это далеко не так. Например, в антропологии с ее теориями кровного родства, экономических систем обмена, символизма и ритуальных действий, часто оказывалось, что люди не изучают (и не испытывают потребности это делать) те феномены, относительно которых они делают вид, что представляют их как можно более объективно, как они могут, например, исследовать слизняка или рыбу, наблюдая за ее поведением и

внося ее морфологическое строение в схему природной классификации. Вико полагает, что, поскольку антропологи — это прежде всего люди и лишь потом антропологи (сколь бы спорным этот тезис ни выглядел временами), природа их знания должна необходимо проистекать из их человеческого опыта. Поэтому имеет место базисный эпистемологический разрыв между естественными науками, такими как физика или биология, с одной стороны, и гуманитарными дисциплинами, с другой. Мы все испытываем реальный дискомфорт при виде собственных внутренностей, когда они подвергаются воздействию хирургов, которые знают нас лишь посредством того, что они видят на экране или в границах операционного поля.

В основе подразумеваемой фундаментальной предпосылки проводимого Вико различия лежат эмоции. Эмоции уместны для «il certo» (уверенности), потому что тот концепт и та эпистемологическая область, которую охватывает данное понятие, проистекает от «conscienza», осознания и понимания (которые выражаются одним и тем же словом в итальянском и французском языках). Проводимое в английском языке различие между этими двумя словами делает аргументацию Вико более трудной для понимания. Для Вико эмоциональное знание (которое лежит внутри «изменений человеческого рассудка») является существенно значимой частью его аргументации. В действительности, Вико делает эмоции и осознание объектом «уверенности» (il certo), в отличие от рационального знания природного мира (il vero). Противопоставляя свою позицию рационализму Декарта, Вико усматривает происхождение языка не в какой-либо рациональной потребности формулировать мысли, а, скорее, в эмоциях благоговения и ужаса, вызываемых неистовой грозой. Первобытные мужчина и женщина сидят в пещере, будучи неспособны говорить. Идет сильнейшая гроза, со вспышками молний и оглушительными раскатами грома. Внезапно, и в качестве отклика на переполняющие его чувства, мужчина (тенор?) разражается песней, дающей начало языку.

Согласно объяснению Вико: «Вначале людей переполняют чувства без какого-либо их осознания, затем они воспринимают происходящее в обеспокоенном и возбужденном душевном состоянии, наконец, они размышляют с ясным умом. Эта аксиома является принципом поэтических сентенций, которые формируются чувствами страсти и эмоции, в то время как философские сентенции

¹³ Вико Джамбаттиста (1668–1744) — итальянский философ, один из основоположников историзма. Основное сочинение «Основания новой науки об общей природе наций». — Прим. перев.

¹⁴ Для Вико знание природного мира, получаемое через посредство пяти органов чувств, связано со страстями и с тем, что люди могут знать изнутри, как это имеет место. Однако в XVIII веке традиция сенсуалистов (например, Юма, Локка, Гельвеция, Ламетри («Человек-машина»)) объединила две эти разновидности знания в одно, и эмпирическое наблюдение было провозглашено тем стандартом, посредством которого может выноситься суждение о достоверности знания.

формируются посредством рассуждения и обдумывания. Чем в большей степени философские сентенции поднимаются к универсалиям, тем более они приближаются к истине; чем ближе первые опускаются к частностям, тем более определенными они становятся» (pp.75–75, разделы 218–219).

Несомненно, в проведенном Вико различии есть много скрытых смыслов для психоанализа. Один из них заключается в том, что мир людей может быть познан, а природный мир (мир, созданный Богом) никогда не может быть понят с «уверенностью» (*il certo*), потому что он внушает благоговейный страх и находится вне пределов человеческого понимания. Поэтому Вико высказывает предположение о том, что чересчур узкое сосредоточение на природном мире за счет исключения человеческого мира является своего рода высокомерием, разновидностью склероза рассудка, который не дает места страстям или неизвестному и всецело является антикартезианским. В то время как Декарт в своем «Рассуждении о методе» сделал монолитное сомнение основой своей системы и метода, Вико провел различие между двумя разновидностями знания (*il vero* и *il certo*) и сделал его основой своей системы. Для Декарта, также, имеет место лишь одна форма истины и уверенности: к которой мы приходим в результате сомнения в показаниях наших чувств. Это делает Декарта скрытым сенсуалистом под личиной рационалиста. Кроме того, метод Декарта кладет конец этому различию, преобладавшему с ренессанса до XIX века, между моральными и физическими науками. Полученный результат, если посмотреть на это в целом, состоит в том, чтобы сделать рассудок научным, а науку рассудочной; чтобы считать знанием лишь то, что может быть доказано и рассмотрено как приемлемое, когда оно рассматривается в свете господствующих теорий причинности и логики¹⁵. Антикартезианская позиция Вико находится в противоречии со всей сенсуалистско-рационалистической традицией; его подход может рассматриваться как фундаментально отличный от структуралистских, постструктуралистских, деконструктивистских и модернистских предположений, а также от предположений теоретиков рационального выбора, бихевиористов, когнитивистов, как и

нейробиологов. Многие общественные науки основаны на наблюдении, которое исключает эмоции наблюдателя в качестве существенно значимой части того, что наблюдается. С точки зрения открытой Вико перспективы, такие подходы, поэтому, не учитывают «*il certo*».

Как он отмечает в конце своей книги, «эта наука (что означает — новая наука о человеке, которую он создает), неразрывно связана с исследованием благочестия, и ... тот, кто не является благочестивым, не может быть истинно мудрым» (p.426, раздел 1112). Другими словами, для Вико человеческий мир включен в природный мир, область благочестия и трепета. Однако человеческий мир может быть познан и понят, в то время как его более широкий контекст может постигаться лишь в той степени, в какой он дается человечеству для понимания универсальных принципов и законов, и это понимание подчинено человеческим ограничениям. Базисный акт благочестия поэтому необходим для понимания того, что имеется базисное различие между миром человечества и природным миром; соединение их в один общий мир, что склонно делать эмпирическая и сенсуалистская традиция, является выражением отсутствия благочестия и невежеством.

Вот, возможно, наиболее примечательный пассаж из данной книги: «Но в ночь непроглядной тьмы, окутывающей самую глухую древность, столь далеко отстоящую от нашего времени, сияет вечный и неизменно горящий свет несомненной истины: что мир гражданского общества, несомненно, был построен людьми и что его принципы следует поэтому искать внутри модификаций нашего собственного человеческого рассудка. Всякий, кто рассуждает об этом, не может не подивиться тому, что философы направляли всю свою энергию на изучение мира природы, который, так как он был создан Богом, только Ему одному и может быть известен; и что они пренебрегали изучением мира людей, или гражданского мира, который, так как он был создан людьми, только люди и могут познать»¹⁶.

Такое эпистемологическое различие также проливает свет на то предпочтение, с которым

¹⁵ Наличествует некоторая ирония в выборе Гейзенбергом терминов, когда он описывает «принцип неопределенности». В свете Вико то, что исследует Гейзенберг, необходимо является неопределенным, так как это может быть лишь «истинным».

¹⁶ Там же (p.96, раздел 331) Вико подробно обсуждает проблему происхождения богов в следующем отрывке: «Так что страх породил богов в мире; не страх, пробуждаемый в людях другими людьми, а страх, пробуждаемый в них ими самими» (p.120, раздел 382).

современное американское общество относится к физическим наукам. Бихевиоризм кладет конец такому различию и напряжению между этими двумя порядками объяснения, делая наблюдение и универсальные принципы главным критерием достоверности и законности и, таким образом, пренебрегая внутренним миром мыслей и чувств, миром человеческого опыта («Новая наука» Вико).

В то время как цель естественнонаучного знания состоит в рассеивании невежества и объяснении рационально объяснимых феноменов, таких как движение облаков или падение яблока, цели систем верований и культурных систем какого-либо вида фундаментально отличны и зависят от постановки фундаментально иных вопросов. В общих чертах, наука склонна основываться на том, что может быть наблюдаемо и/или экспериментально повторено. Системы верований, с другой стороны, зависят от невидимых сил, которые невозможно познавать, кроме как через эмоции и человеческие переживания. Лишь системы верований адресуют людям вопросы типа: Почему я? И почему именно теперь?

III

Позвольте мне проиллюстрировать конфликт между объясняемыми мирами на примере работы оксфордского социального антрополога Е.Е. Эванса-Причарда «Магия и колдовство среди племени Азанде». Эванс-Причард отмечает, что Занде¹⁷ (которые заняли часть того, что когда-то называлось англо-египетским Суданом) строят свои дома на сваях, которые иногда обрушиваются. Эванс-Причард пытался объяснить им, что эти сваи поедаются термитами и что поэтому данная проблема возникает из-за термитов. Однако они никоим образом не были удовлетворены этим объяснением, так как оно было безличным и рассматривало термитов как средство разрушения: термиты были причиной, а крушение дома — следствием. Для Занде подлинный вопрос стоял так: почему данный конкретный человек сидел под домом в тот конкретный момент, когда данный дом обрушился? Когда уроженец Запада пытался им объяснить, что причиной обрушения были термиты, они не понимали, почему такой несущественный факт

¹⁷ Эванс-Причард описывает данное племя как племя Азанде, а группы индивидов как Занде.

мог выдвигаться как существенно значимый, потому что он оставлял без ответа главный вопрос.

В свете данного примера становится очевидно, что объяснения могут оцениваться в соответствии с типом задаваемого вопроса. На вопрос: почему падают яблоки — у нас есть готовый ответ: из-за силы притяжения. Однако такой ответ не объясняет, почему именно данное яблоко упало на мою голову (а не на голову кого-либо еще) в данный конкретный день, а не в другое время. Такая специфика объяснения является одним из ресурсов антропологического объяснения. Но мы вряд ли когда-либо сможем защитить нашу склонность к психологическим объяснениям от бихевиористской критики, которая не понимает тех вопросов, которые мы должны задавать как часть осуществления нашей профессии.

IV

Вновь возвращаясь теперь от Вико и Занде к нашему обсуждению того, как и почему воображение было сравнительно забыто в качестве фокуса в антропологии с начала XX века, я надеюсь, что возможно более ясное понимание того эпистемологического различия, которое, по моему мнению, столь существенно важно для понимания интеллектуальных и культурных ресурсов нашей дисциплины, а также для ее возможностей в будущем. Охватывающая четыре области исследования, организация департаментов антропологии в США (археология, физическая антропология, культурная антропология и (в некоторых департаментах) лингвистика и приматология) еще раз показывает, сколь запутанны эпистемологические различия среди различных субдисциплин, которые все сгруппированы под одним названием «антропология». Если мы склонны утверждать, что все они одинаковы, мы немедленно окажемся перед лицом высказанных Вико возражений, а затем перед лицом нехватки тех ресурсов, которыми мы обладаем, во-первых, как люди, и, во-вторых, как антропологи, для использования себя в качестве наблюдателей, соответствующих нашей области наблюдения. Археологи имеют дело с руинами, которые не обладают речью; физические антропологи имеют дело с костями, которые не обладают движением; приматологии имеют дело с животными, которых мы не можем понимать с помощью собственного человеческого опыта, кроме как, возможно, посредством экстраполяции, так как все они живые существа.

Однако так называемый переход к антропологии, охватывающий четыре области исследований, продолжает традицию Боаса, который недвусмысленно помещал антропологию в раздел естественных наук, и даже усиливает то пристрастное отношение к материальной культуре, которое мы унаследовали вследствие самой концепции культуры.

Что вызывает у меня удивление в свете истории антропологии, так это то, что антропологи не осознавали все богатство своей исторической традиции гуманизма. Точно так же они не понимали невозможность для антропологии когда-либо стать наукой в соответствии с моделью физических наук. Поэтому вопрос о том, является ли антропология описательной дисциплиной или научной — неправомочен. Подобно другим социальным наукам, антропология никогда не сможет быть ничем другим, кроме как гуманитарной дисциплиной, потому что ее объект — люди, и практикующие ее специалисты также являются людьми. С эпистемологической точки зрения, это приводит к человеческой убежденности, а не к универсальной истине. Парадоксальным образом, проведенное Вико различие в настоящее время делает проблематичными не только науку, но также религию и наши предположения относительно универсальных истин.

Когда я был в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, Карлос Кастанеда¹⁸ только что получил докторскую степень по антропологии, и весь департамент антропологии возмущался по этому поводу. Как он искажал свой материал, сколь это возмутительно, какое это оскорбление академической респектабельности! Археологи и физические антропологи, естественно, наиболее категорично высказывались на этот счет, говоря, что столь ненаучное поведение было непростительно и что нечто подобное никогда не смогло бы произойти внутри их субдисциплины. Естественно, я не хочу сказать, что нечто подобное имеет место и что следует восхищаться человеком, которому удается выдать абсолютную подделку за признаваемые законными полевые исследования. Конечно же, антропологическая область деятельности является ремеслом, подобно любому другому ремеслу, и у нее есть свои принципы работы. Однако признавать незаконной деятельность любых антропологов, которые ста-

нут использовать свое воображение, и утверждать, что данная дисциплина не имеет ничего общего с воображением, будет столь же вредоносно для законного осуществления данной профессии. Моя цель, в действительности, состоит в расширении базиса утверждений как академической, так и социальной релевантности.

Давайте в этой связи рассмотрим полемику, начатую Дерекком Фримэном по поводу полевых исследований Маргарет Мид на Самоа и в Новой Гвинее. Фримэн утверждал, что он, а не Маргарет Мид, записывал «вещи как они есть». Более того, он полагал, что материалы Маргарет Мид были искажены вследствие недостаточно «научного» подхода к полевым исследованиям. В настоящее время понятие искажения в гуманитарных и социальных науках отличается как от понятия подделок в искусстве, так и от понятия фальсификации в естественных науках. Здесь в игру вступает важное значение воображения. И если полевые исследования какого-либо исследователя или их оценка в этнографических трудах могут быть «искажены», тогда остается мало места для воображения. По контрасту, воображение действительно может прийти на помощь мошеннику в искусстве, однако в сфере искусства индивид не утверждает, что «истина» является универсальной истиной, и поэтому природа обмана не является столь оскорбительной для нашего представления о естественном порядке вещей в мире.

Имеет место еще одна перспектива по поводу всей полемики Фримэн/Мид. Она связана с использованием данных полевых исследований в нашей собственной культуре. Несомненным является тот факт, что Маргарет Мид оказала намного большее влияние на многих молодых женщин своей книгой *«Взросление на Самоа»*, чем Фримэн своими трудами о неадекватности полевых исследований Мид. Так что одним из факторов при оценке этнографических работ является не только их предполагаемая точность, но также их воздействие на ту культуру, частью которой является этнограф. Труды Мид, несомненно, оказали значительное воздействие на женские движения в США. Разве это не значимый факт при оценивании ее как этнографа? Она была, по своей сути, в первую очередь — человеком, и лишь во вторую — этнографом.

И здесь мы затрагиваем всю проблему этнографий и полевых записей. Они отличаются друг от друга фундаментальным образом, так как этнографам приходится защищать свою научную

¹⁸ Кастанеда Карлос Сальвадор Арана (1925–1998) — американский писатель, мистик, этнограф и антрополог. — Прим. перев.

репутацию, и они неизбежно исходят из тех публичных/личных представлений, с которыми они согласны. Неотъемлемой частью написания этнографической работы является представление о том, как она будет читаться дома. Так что этнографические работы, таким образом, создаются, исходя из, по меньшей мере, четырех параметров: реальных полевых исследований, частных записей в полевых условиях, официальной этнографии и различных академических и политических контекстов, в терминах которых этнография оценивается после ее публикации. Хотя этнографические исследования предназначались для описания жизни племени Бонга Бонга, они неизбежно будут отражать переживания этнографа с Бонга Бонга, включая описание того, почему, во-первых, она или он отправился к ним, и какое значение могут иметь отчеты об их опыте пребывания среди Бонга Бонга, когда этнограф возвращается домой. Какие бы усилия ни прилагал этнограф, он не сможет описать жизнь племени Бонга Бонга точно таким же образом, каким он мог бы описать кузнечика или поведение протона.

Все это приводит к очевидному заключению: что человеческий труд, подобно ландшафтам природного мира и миру живописи и скульптуры, необходимым образом проникает к нам через наше переживание того, что мы постигаем, и, таким образом, с необходимостью пробуждает наши эмоции. Они пробуждаются не только во время непосредственного переживания того или иного события (например, во время наблюдения антропологами некоторого особого ритуала или события), но также в наших воспоминаниях и историях этих чувств, и в наших суждениях по поводу этих чувств. Этнографии, подобно человеческим мирам, которые они описывают, развиваются через процесс схемы и коррекции. Они являются не достоверными записями пережитого опыта, а, скорее, конструкциями соответствующей модели.

Так как мир людей является одновременно миром вещей и представлений, мы можем обладать верой в преобразующую мощь наших представлений. Кроме того, такая вера коренится в том факте, что различие между реальностью и фантазией само является воображаемым. Нет никакого способа выделения реальности без привлечения различия между реальностью и фантазией, которое, само по себе, исключает единственное в своем роде физикалистское и сенсуалистское определение. Как заметил Фрейд, бессознательное,

это тоже часть реальности. И оно также является частью реальности как того, что (так и того, кого) наблюдает антрополог, а также частью его самого. Сановник, которого приглашают заложить фундамент некоторого общественного здания, делает три легких постукивания по камню отбойником. Отбойник настоящий, но таков ли и удар? Все это приводит на память комментарий Фрейда по поводу сновидения Доры о пожаре, от которого она проснулась в ужасе. Данное сновидение, отмечал он, было воображаемым. Однако страх был реальным. Но, можем добавить мы, на проводимое нами различие между тем, что является реальным, а что — воображаемым, подобно аналогичному различию в бодрствующей жизни, неизбежно влияют наши чувства. Мне кажется, что целью Фрейда был не рассказ о том, как отличать реальность от фантазии, а, скорее, обращение нашего внимания на то, сколь нераздельны эмоции для проведения какого-либо различия между ними двумя.

Все это еще более подчеркивает важное значение проведенного Вико различия между *Il vero* и *Il certo*. Если само это различие необходимым образом основывается на человеческих способностях воображения, тогда, действительно, представляется странным, что мы в XX и XXI веках крепко придерживаемся нашей потребности в универсальных истинах, несмотря на то, каким образом это желание идет вразрез с нашей гуманистической традицией. Не требуется быть релятивистом, чтобы ратовать за ограничения универсальных истин.

Это приводит меня к еще одному моменту, связанному в этот раз с последующим ходом развития в нашей антропологической традиции со времени примерно от Второй мировой войны до наших дней. Неуместный чрезмерный акцент на *il vero* Вико продолжает иметь место, как в трудах структуралистов, таких как Леви-Строс, так и в трудах универсалистов, таких как Фортес, Девегеух или Спиро, чьи аргументы об универсальности эдипова комплекса содержат много того, что заслуживает внимания. Они усиленно выступают против культурных релятивистов (таких как Кребер, Гершковиц, Гольдшмидт, Гирц, Оге, Bourdieu). Сходным образом, субъективистские антропологи, такие как Крапанзано, Розальдо и Крэк (и психоаналитики, такие как Баллас, Лихтенберг или Столору) знают, против чего они восстают, но не используют гуманитарную традицию, чтобы это делать; они понимают, что не хотят уни-

версалистской *il vero*, однако не призывают себе на помощь все значения проведенного Вико эпистемологического отличия. К тому же, когда они говорят о «субъективности», иногда трудно понять, к чьей субъективности они обращаются и каким образом она известна, как во влиятельной книге Крапанзано *Tuhumi*.

Затем имеют место различные отношения к грамотности, языку и качеству трудов, которые, грубо говоря, склонны разделять антропологи. Те из них, которые выступают в защиту антропологии как естественнонаучной дисциплины, принимают функционалистское отношение к языку: следует лишь «говорить о том, как нечто происходит», без риторики или тщательной обработки. Те из них, которые выступают в защиту антропологии как повествовательной традиции, подобно Малиновскому, Турнеру или Гирцу, уделяют большее внимание языковой стороне трудов. Как я ранее упоминал, Боас никогда не смог бы сделать в США карьеру профессионального литератора, так как его знание английского языка было столь плохим. Лишь в качестве научного сотрудника он мог попасть в точку и представлять себя в качестве поставщика истины в русле великой немецкой традиции. Так что часто можно догадаться о базисных ориентациях на основании самого качества языка.

Список литературы:

1. Kilborne B. Anthropology and the Human Imagination // Journal of European Psychoanalysis. Nov. 2006. № 2.

References (transliteration):

1. Kilborne B. Anthropology and the Human Imagination // Journal of European Psychoanalysis. Nov. 2006. № 2.

Такова, следовательно, существенно важная значимость человеческого воображения в любом исследовании других людей, которая составляет критерий того, что мы в настоящее время (возможно, неудачно) называем «социальными науками». Итальянский ренессанс с писателями, такими как Пико дела Мирандола, сосредоточил внимание на важной роли воображения при определении высокого положения человечества, и также при определении того, что отличает его даже от самого ближайшего к нему животного. Вследствие путаницы между «*il vero*» и «*il certo*», по моему мнению, писатели неумышленно впали в религиозную тональность и затем вкладывали ее в то, что представлялось как «наука», которая затем исключает «*il certo*» в качестве законного знания. Хотя часто говорилось, что наука является религией современного человека, мне кажется, что при этом не улавливалась важность этого утверждения. Ибо, парадоксальным образом, посредством перемещения знания на одну из двух платформ: либо «*il vero*» (универсальная истина), либо релятивистская позиция (то, что делают Бонга Бонга, правильно для Бонга Бонга), то, что при этом целиком упускается из виду, так это проведенное Вико измерение «*il certo*», и эпистемологическое основание данного измерения основано на человеческом воображении.